

ДЖОН ГВИНН

Перевод Александры Злотницкой

ТЕНЬ БОГОВ

18+

фэнтези

МИО

*Для тебя, Кэролайн,
Моя любовь,
Мое сердце,
Мое всё.
Навсегда*

*С холмов Темной Луны поднялся в небо сияющий змей.
Дракон-из-тени, что грядет сюда, к нам,
Летит над равниной, и на оконечностях крыльев его — мертвецы.*

Волуспа

ГЛАВА 1

ОРКА

Год 297-й, Эпоха Мира

— Смерть — это часть жизни, — шепнула Орка на ухо сыну. Несмотря на то что Брека уже отвел руку назад, крепко сжимая ясеневое копьё маленькими пальчиками, побелевшими от напряжения, и острое наконечника было направлено прямо в оленья перед ними, мать видела нерешительность в глазах сына, в том, как нервно он сжимал челюсти.

«Он слишком нежен для этого мира, полного боли», — подумала Орка. Она уже раскрыла было рот, чтобы отругать его, но тут ее предплечья коснулась рука. Огромная, в то время как рука Бреки была совсем небольшой, покрытая грубой кожей в тех местах, где кожа сына была совсем гладкой.

— Погоди, — выдохнул Торкель, и слово это осело капельками тумана на его бороде, заплетенной в косички. Он стоял слева от жены, крепкий и огромный, словно валун. Мышцы на шее Орки натянулись и до боли напряглись, ибо жестокие слова были уже совсем близко, в горле...

В суровом мире нужны суровые слова.

Но в последний момент она прикусила язык.

Весенний солнечный свет падал на землю, просачиваясь между тихонько покачивающимися ветвями деревьев. Он отражался от пятен обледенелого снега — последних следов, что оставила в высокогорном

лесу уходящая зима своими поцелуями. Дюжина оленей мирно паслась на поляне, и толстобрюхий самец присматривал за самками и оленятами, что жевали мох и лишайник, обдирая его со столбов и валунов.

И тут во взгляде Бреки что-то изменилось. Он на мгновение затаил дыхание, а затем последовало быстрое движение: резкий разворот бедер и взмах руки. Копье полетело вперед: острый железный наконечник с шипением разрезал воздух. В груди Орки полыхнула гордость. Отличный бросок. Едва только кулак Бреки разжался и копьё взлетело, Орка поняла: оно попадет в цель.

Но в тот самый миг, когда мальчик бросил копьё, назначенный целью олень поднял голову от ствола, с которого объедал лишайник. Чуткие уши затрепетали, зверь прынул вперед, и все стадо вокруг него пришло в движение: олени ринулись прочь, огибая деревья и перепрыгивая препятствия. Копьё Бреки вонзилось в ствол, и древко задрожало. Мгновение спустя с восточной стороны послышался громкий треск ломающихся ветвей, и из подлеска на поляну проломилась чья-то громадная фигура, чудовище с аспидно-черной шерстью и длинными когтями. Олени разбегались во все стороны, а зверь метался между ними и, казалось, вовсе их не замечал. Кровь хлестала из множества ран на его теле, длинные зубы блестели, красный язык болтался тряпочкой, а потом... он вмиг исчез, растворился в лесных тенях.

— Что... кто это был? — прошептал Брека, широко распахнув глаза. Взгляд его метался от Орки к Торкелю и обратно.

— Волк-ужас, — хмыкнул Торкель и двинулся вперед, будто забыв о скрытности, что нужна во время охоты. Он начал продираться сквозь подлесок на поляну, сжимая в кулаке копьё с толстым древком. Ветви громко трещали под его напором. Орка и Брека шли следом. Добравшись до места, Торкель опустил на одно колено, стянул зубами перчатку, коснулся каплей волчьей крови на траве кончиками пальцев, а затем облизал их. Сплюнул, поднялся и отправился по кровавым следам на край поляны, а там замер, вглядываясь в туман.

Брека подошел к своему копьё, наконечник которого наполовину вошел в сосновый ствол, и попытался вытащить его. Напрягся

всем телом, однако копые не шелохнулось. Он посмотрел на Орку снизу вверх: серо-зеленые глаза на бледном грязном лице, прямой нос и сильная челюсть, волосы цвета воронова крыла — так похож на своего отца и так не похож на саму Орку. Кроме глаз. У него были материнские глаза.

— Я промахнулся, — сказал он, и плечи его поникли.

Орка ухватилась за древко рукой в перчатке и высвободила застрявший наконечник.

— Да, — ответила она, протягивая Бреке его копые, на половину руки короче, чем у нее и у Торкеля.

— Твоей вины в том нет, — отозвался Торкель с края поляны. Он все еще вглядывался в темноту. Толстая коса из черных, пронизанных седыми прядями волос выглядывала из-под вязаной шерстяной шапки, кончик носа подергивался. — Их спугнул волк-ужас.

— Почему же он не убил ни одного из тех оленей? — спросил Брека, забирая у Орки свое короткое копые.

Торкель поднял руку, демонстрируя окровавленные кончики пальцев:

— Его заботили раны, а не возможность поужинать.

— Но кто... или что могло сделать это с волком-ужасом?

Орка направилась к противоположному краю поляны, настороженно сжимая копые, — туда, где в подлеске виднелась черная дыра, из которой вырвался наружу волк. Замерла, склонив голову. Вдалеке послышался еле слышный звук, просочился сквозь лес, подобно туману.

Кто-то кричал.

Брека присоединился к матери. Он вцепился в копые обеими руками и указал им в темноту.

— Торкель, — проворчала Орка, обернувшись и глядя через плечо на мужа. Тот все еще стоял и смотрел вслед раненому волку. Бросив в темноту последний долгий взгляд и пожав плечами, на которых топорщилась меховая накидка, он наконец развернулся и пошел к ней.

Снова слышались крики, далекие, слабые. Орка с Торкелем обменялись взглядами.

— В той стороне ферма Асгрима, — сказала она.

— Харек, — пробормотал Брека, вспомнив про сына Асгрима. Они вместе играли на берегу реки в Феллуре, когда родители отправлялись в деревню выменивать провизию.

Еще один крик, слабый и будто бесплотный, донесся сквозь деревья.

— Нам следует взглянуть, что там, — пробормотал Торкель.

— Хех, — проворчала Орка, соглашаясь.

Пока они пробирались через сосновый лес по пружинящему мягкому ковру из опавших игл, дыхание их собиралось в облачка тумана над головами. Уже наступила весна, и в низинах новая жизнь вовсю заявляла о себе, но за эти лесистые холмы зима все еще цеплялась цепенеющими руками, словно сгорбленный старый воин, не желающий отпускать собственное прошлое. Они шли гуськом: Орка впереди, настороженно глядя то на оставленный волком след, то на глубокие тени по сторонам тропы. А потом старый подмерзший снег захрустел под ногами, деревья расступились, и они оказались на горном хребте, что круто обрывался на западе отвесными скалами. Над головами по синему небу тянулись рваные полосы облаков. Орка посмотрела вниз и увидела тонкие столбы дыма: они поднимались от очагов в Феллуре, лежавшем далеко внизу. Деревня рыбаков притаилась на восточном берегу глубокого сине-черного фьорда, спокойные воды которого поблескивали под лучами бледного солнца. Над ним кружились и кричали чайки.

— Орка, — позвал Торкель, и она остановилась, обернувшись к мужу.

Тот как раз откупорил кожаную флягу с водой и протягивал ее Бреке, который раскраснелся и вспотел, несмотря на горную прохладу.

— У него не такие длинные ноги, как у тебя, — криво усмехнулся Торкель сквозь бороду (шрам, змеящийся через щеку к челюсти, перекручивал улыбку).

Орка оглянулась на тропу, по которой они пришли, и прислушалась. Крики уже давно не были слышны, поэтому она кивнула Торкелю и потянулась к своей фляге с водой.

Несколько мгновений они сидели на большом валуне, вглядываясь в зеленые и синие земли внизу, будто боги на вершине мира. К югу, за Феллуром, фьорд расширился и переходил в морскую береговую линию, изгибающуюся на запад, а затем на юг, изрезанную заливами и узкими ущельями. Облака стального цвета громоздились над водой, грозя снегопадом. На севере же тянулась зеленая горная цепь со снежными вершинами, от горизонта до горизонта, с востока на запад. То тут, то там под лучами солнца поблескивали скалы. Древние «ребра» горного хребта издали казались мазками серой краски.

— Расскажи мне еще раз про змея Снаку, — попросил Брека, когда они все вместе глядели на горы.

Орка ничего не ответила, будто всё ее существо занимал волнистый горный хребет перед глазами.

— Если бы я решил поведать тебе эту сагу, малыш, твой нос и пальцы за время рассказа совсем замерзли бы. А когда ты встал бы, чтобы идти дальше, пальцы на ногах затрещали бы, словно льдинки, — ответил Торкель.

Но Брека продолжал смотреть на него своими серо-зелеными глазами.

— Ах, ты же знаешь, что я не могу отказать этому взгляду, — проворчал Торкель и вздохнул, выпуская изо рта облачко пара. — Ладно, если вкратце...

Он стащил вязаную шапку с головы и почесал макушку.

— Всё, что ты видишь пред собой, — это Вигрир, Поле Битвы. Земля павших королевств. Каждый клочок земли между морем и теми горами, и еще на сотню лиг за ними... Это место, где боги сражались и гибли, и Снака был отцом для всех них, и некоторые говорят — величайшим из всех.

— И уж точно самым большим, — пробормотал Брека: глаза круглые, а голос — серьезнее не бывает.

— Кто рассказывает эту историю, ты или я? — спросил Торкель, приподняв черную бровь.

— Ты, отец, — ответил Брека, склонив голову.

Торкель фыркнул.

— Конечно, Снака был самым большим. Он ведь был самым старым, отцом богов. Они называли его Старейшим, он вырос чудовищно огромным, каким и ты мог бы вырасти, если бы ел досыта каждый день с момента рождения мира. Но и дети его были не лыком шиты. Орел, Медведь, Волк, Дракон и множество других. Родич пошел на родича, собственные дети убили Снаку, и он пал. И когда он умер, мир раскололся на части, целые королевства были уничтожены, взлетели на воздух или были смыты морскими волнами. Эти горы — всё, что от него осталось, и теперь его кости покрыты землей, что он расколол своим падением.

Брека присвистнул сквозь зубы и покачал головой:

— Великое, верно, было зрелище.

— Хех, парень, верно. Когда боги начинают войну, в ней нет места пустякам. Их крах привел к гибели всего мира.

— Хех, — согласилась Орка. — И когда Снака пал, открылась Бездна Везен, и все те сильные, когтистые, зубастые существа, что прежде обитали в нижнем мире, были допущены в наши земли, в наше небо и море.

С места, где они сейчас сидели, мир выглядел чистым и нетронутым, прекрасной, искусно сложенной мозаикой: золотой, зеленой, синей...

Но Орка знала, что на самом деле история этого мира была сагой, насквозь пропитанной кровью.

Она посмотрела направо и увидела на земле багровые капли, что отмечали след раненого волка. И представила, как эти капли расширяются, превращаются в красные лужи, брызжет кровь, падают прозрачные тела, изрубленные, изломанные, звенят в воздухе крики...

Это кровавый мир. Мир зубов, и когтей, и острого железа. Мир кратких жизней и мир смертей, полных боли.

Тут она почувствовала на плече ладонь Торкеля. Он протянул руку над головой Бреки, чтобы коснуться жены.

Резко выдохнув, Орка моргнула и издала длинный нервный стон, гоня прочь образы смерти.

— Это был хороший бросок, — сказал Торкель, постукивая копьём Бреки о флягу с водой и все еще не отрывая взгляда от лица Орки.

— Но я же промахнулся, — пробормотал Брека.

— Я тоже промахнулся во время моей первой охоты, — ответил Торкель. — И мне было уже одиннадцать лет, а тебе всего десять. И твой бросок был лучше моего. Это волк украл твою славу. Верно, Орка?

И он взъерошил Бреке волосы большой ладонью.

— Это был неплохой бросок, — согласилась Орка, глядя на облака, плывущие с востока. Западный ветер гнал их сюда, и пах он снегом и пронизывающим холодом, что будто захрустел в ее груди ледяными осколками. Орка резко встала и направилась дальше, закупоривая флягу с водой.

— Расскажи мне еще про Снаку! — крикнул ей вслед Брека.

Орка замерла.

— Неужели ты так быстро позабыл о своем друге Хареке? — спросила она, нахмурившись.

Брека потупил глаза, встал и последовал за матерью. И Орка повела их дальше, обратно под своды соснового леса, где звуки вновь стали пугающе приглушенными, мир вокруг будто сжимался, вдоль тропы скользили тени, а люди взбирались все выше по склону. И пока они шли, облака закрыли солнце, мир стал серым и холодный ветер зашипел среди ветвей.

Когда подъем стал круче, Орка стала использовать копьё как посох. Теперь она взбиралась по скользким камням, похожим на ступени, вдоль белой пенящейся реки. Ледяная вода плескала на тропу и просачивалась сквозь сапоги и скуты. Прядь светлых волос выбилась из косы Орки, и она нервно заправила ее за ухо. А потом замедлила шаг, вспомнив, что у Бреки еще ноги коротки так скакать по камням, — замедлила, несмотря на то что кровь ее будто кипела и заставляла мышцы дрожать от напряжения. Опасность всегда действовала так на Орку.

— Приготовься, — проговорил сзади Торкель, а потом Орка и сама учуяла это.

Железный привкус крови на губах, вонь вывернутых кишок.

Сверный запах смерти.

Тропинка вывела на плоскогорье, где деревья были повалены и стволы очищены от веток. Показались большая хижина с травяной крышей